

Анна Соколова

Alexey Golubev. The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. 220 p. ISBN 9781501752889.

Анна Соколова, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Адрес для переписки: Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334, Россия. annadsokolova@gmail.com.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

Книга Алексея Голубева, доцента Хьюстонского университета, «Вещи жизни: материальность в позднесоветской России» вопреки своему названию посвящена гораздо более широкому кругу вопросов, чем позднесоветская материальность как таковая. Характерные для послевоенного СССР материальные объекты, которые находятся в центре анализа Голубева, – подъезды и лестницы новых многоквартирных домов, «качалки», телевизоры, сборные модели военной техники, музеи под открытым небом и т. д. – оказываются материалом для размышления о центральных вопросах современного исследования российской истории – о природе советского проекта и советского субъекта, особенностях советской модерности и связи советского опыта с мировым.

В этом контексте наиболее интересным представляется новый подход к исследованию советской субъективности, предлагаемый Голубевым. Работы о том, как советский субъект строил себя, традиционно апеллируют к проблеме нового языка, через освоение которого рядовой гражданин мог почувствовать себя (и на самом деле стать) новым советским человеком. Способность «говорить по-большевистски» (Kotkin 1995) или познание себя через технику ведения дневника (Hellbeck 2006), освоение авторитетного дискурса (Yurchak 2006) – во всех этих случаях речь идет в первую очередь о строительстве нового субъекта через создание и освоение нового языка. Голубев обращает наше внимание на то, что новая советская материальность была столь же важным актором этой работы по построению нового советского субъекта, по крайней мере не менее важным, чем язык.

Возвращаясь к материалистической природе советского проекта, Голубев предлагает посмотреть на материальность как на особый инструмент, который структурировал социальную жизнь. Отталкиваясь от категории «стихийного материализма», сформулированной Фридрихом Энгельсом в «Анти-Дюринге» для обозначения самой ранней стадии материалистического мышления, Голубев утверждает, что «стихийный материализм» был широко распространен внутри советского проекта как «культурно укоренившееся признание способности материи и вещей формировать человеческие тела и личности» (с. 5). В этом смысле «стихийный материализм» – это набор спонтанных и ситуативных культурных форм, которые давали советским людям возможность осмыслить социальную активность, возникающую вокруг сложных ассамбляжей тел, предметов и физических пространств, но не связанную напрямую с советской идеологией. Голубев исследует случаи, в которых ассамбляжи материальных объектов и физических тел становятся агентами социальных отноше-

ний, и даже основными элементами социальной жизни. Таким образом, автор показывает «внутреннюю работу советского общества, в которой культурные значения и социальные действия часто возникали в результате взаимодействия людей с материальными объектами и пространствами» (с. 6).

Анализируя практики, формирующиеся вокруг новых материальных объектов, Голубев показывает, что преодоление социальной отчужденности, ощущаемой как проблема на всех уровнях советского дискурса, было важным запросом советской молодежи 1960–1980-х, которая шла к решению этой задачи разными путями. Некоторые молодые люди включались в систему научно-технического творчества, предложенную государством (глава 1, 2). Другие ощущали необходимость физического преобразования себя. Они шли дальше и сами создавали инфраструктуру для этого преобразования, такую как «качалки» – тренажерные залы, расположенные в подвалах многоквартирных домов. Как показывает Голубев, несмотря на то, что молодые люди из этих «качалок» (такие как известные «любера» с их рейдами против хиппи в центре Москвы) представлялись как шпана и контркультурные элементы, сами они рассматривали тренировки как часть работы по созданию советского субъекта – правильного советского гражданина, который сможет служить родине и дать отпор различным девиантным группам, возникшим под влиянием Запада, таким как хиппи или панки (глава 4). В то же время значительная часть молодых людей была менее инициативна и осваивала многочисленные транзитные пространства многоквартирных домов – такие, например, как подъезды и лестницы (глава 3). По утверждению автора книги, то, что на первый взгляд выглядит как вандализм – разбитые лампы и окна, испачканные стены, секс на лестницах подъездов, – было попыткой подростков, не включенных в «интеллигентские» способы освоения советского пространства (такие как многочисленные кружки и внешкольная активность), преодолеть свою потерянность и социальное отчуждение. Действуя таким образом, они входили в особые аффективные режимы взаимодействия с советским городским пространством. Оставляя следы в общественных пространствах многоквартирных домов, разрозненные группы советских подростков вступали в аффективные ассамбляжи с этими пространствами, присваивали их, делали их пугающими для советской образованной публики (с. 109). Голубев предлагает также посмотреть на телевидение, ставшее повсеместно доступным в позднесоветский период, как на еще одну практику преобразования себя. Анализируя такие, казалось бы, далекие культурные феномены, как видеоуроки динамической гимнастики (аэробики) и сеансы «телепсихиатрии» Анатолия Кашпировского и Аллана Чумака, автор предлагает рассматривать их как продолжение особого советского отношения к знанию, которое, будучи представлено в книгах и журналах, должно было служить инструментом преобразования гражданина в советского субъекта (глава 6).

Другой не менее важной стороной исследования Голубева являются его наблюдения о том, как советские материальные объекты формировали советский дискурс. Так, анализируя советские технические журналы, он отмечает, что утилитарные по своей природе, предлагающие конкретные схемы для создания тех или иных устройств, эти журналы в то же время были нацелены на формирование советского субъекта как хозяина материального мира (глава 1). Они утверждали, что

образцовый советский субъект мог противостоять привлекательности пассивного консьюмеризма, меняя своими руками индустриальные товары, становясь таким образом их сопроизводителем (с. 33). Другой важной работой материальных объектов было создание особой темпоральности, не просто соединявшей советское настоящее с наиболее значительными эпизодами русской истории, но и возводящей советское к русскому (глава 2, 3).

Рассматривая материальность и предметный мир советского человека в социальном контексте, Голубев предлагает анализировать, как вещи «производят социальные эффекты» (с. 165). В этом отношении в центре его методологического подхода оказываются не сами материальные объекты, их создание, дизайн и т. д., а те практики, которые возникают в тот момент, когда предметы попадают в контекст социального взаимодействия. При этом наиболее важным становится не то, как была задумана «работа» материальных объектов их создателями, а то, какие новые практики и функции предметов возникают при создании аффективных ассамбляжей предметов, ландшафтов и человеческих тел. В методологическом плане обращает на себя внимание также то, что, помещая интересующие его предметы и практики в контекст современных теорий и подходов к изучению материальности, автор не оставляет в стороне и те подходы, которые возникли внутри советской аналитической мысли и до определенной степени повлияли на рассматриваемые им явления. Так, важными для анализа становятся идеи Виктора Шкловского, Сергея Третьякова, Дзиги Вертова, их размышления о реальной сущности физических объектов, с которыми мы имеем дело.

Несомненно, основной аудиторией Голубева является англоговорящая публика, для которой данное исследование открывает путь в причудливый мир позднесоветской материальности. В то же время для русского читателя, особенно для тех, чье детство и юность пришлось на позднесоветские и ранние постсоветские годы, эта книга также открывает широкую дорогу к исследованию себя. Широкие бесприютные улицы новых районов; загадочные «качалки» в подвалах; неприятные столкновения с чужим сексуальным взаимодействием на пути в свою квартиру; непонятное пренебрежение к категории «новодел» в разговоре родителей; банки с водой перед сеансом Чумака и осуждающие взгляды папы; ужас и изумление от наблюдения за тем, как одноклассница подкручивает винтики в аппарате Илизарова, закрепленном на ее ноге; имя неведомой Кати, выжженное над входом в лифт в далеких 1980-х, но пережившее уже три ремонта, – все это пугало, интриговало и вызывало множество вопросов, ответы на которые я не могла найти и став уже взрослой. Книга Алексея Голубева дает если не ответы на многие из этих вопросов, то по крайней мере направление для их поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Hellbeck, Jochen. 2006. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kotkin, Stephen. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.